

М. С. Неклюдова

ORCID: 0000-0002-5251-931X

✉ neklyudova-ms@ranepa.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

БРОДЯЧИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ, ИЛИ ФРАНЦУЗСКИЕ «МИГРАНТЫ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Рецензия на: Scholar R. *Émigrés: French words that turned English*. — Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2020. — 272 p.

Для цитирования: Неклюдова М. С. Бродячие галлицизмы, или Французские «мигранты» в англоязычном мире // Шаги/Steps. Т. 8. № 1. 2022. С. 253–260. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-253-260>.

Рецензия поступила в редакцию 11 июля 2021 г.
Принято к печати 14 июля 2021 г.

M. S. Neklyudova

ORCID: 0000-0002-5251-931X

✉ neklyudova-ms@ranepa.ru

The Russian Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

NOMADIC GALLICISMS, OR FRENCH “MIGRANTS” IN THE ENGLISH-SPEAKING WORLD

A review of: Scholar, R. (2020). *Émigrés: French words that turned English*. Princeton Univ. Press. 272 p.

To cite this review: Neklyudova, M. S. (2022). Nomadic gallicisms, or French “migrants” in the English-speaking world. *Shagi / Steps*, 8(1), 253–260. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-253-260>.

Received July 11, 2021
Accepted July 14, 2021

Название новой книги Ричарда Сколара «Эмигранты: французские слова, ставшие английскими» невольно вызывает в уме цепочку визуальных ассоциаций: сумеречный причал, на котором толпятся хмурые люди с чемоданами и узлами в ожидании переправы в землю обетованную, будь то Великобритания или США. Конечно, в наши дни эмиграция выглядит иначе, тем не менее остров Эллис продолжает маячить на горизонте коллективного воображения, символизируя то пространство, где эмигрант становится иммигрантом. Героям этой книги не требуются паспорта и визы; они беспрепятственно преодолевают бюрократические заслоны, таща за собой накопленные пожитки — т. е. семантическую нагрузку, поскольку речь идет о словах. Но, как и людям, им далеко не всегда удается полностью обжиться на новом месте и получить гражданство. Многим приходится ограничиваться видом на жительство, навсегда оставаясь *resident aliens*, как это называется в Соединенных Штатах, т. е. законно проживающими на территории государства иностранцами. Сколар прослеживает судьбу трех таких лингвистических переселенцев, пересекших Ла-Манш еще в XVII столетии, но до сих пор продолжающих сохранять французский акцент: *naïveté* ‘наивность’, *ennui* ‘скука’ и *caprice* ‘каприз’. К ним еще можно добавить выражение *à la mode* ‘по моде, согласно моде’, которое становится нашим проводником в сообщество французских экспатов.

Эмиграция или миграция — сильная метафора, за которой тянется длинный политический и эмоциональный шлейф. Оба понятия безусловно относятся к ключевым словам современности, использование которых, как в свое время указывал Реймонд Уильямс, позволяет обсуждать «многие важные процессы нашего общего существования» [Williams 1988: 14]. В последние десятилетия рутинное, но от этого не менее чувствительное взаимодействие между «местным» населением и «мигрантами» — переселенцами, временной рабочей силой, беженцами — является предметом коллективных страхов, социального манипулирования и пр. Оно во многом формирует актуальную идеологическую и дискурсивную повестку и одновременно формируется ею (см., к примеру: [Wimmer, Glick Schiller 2002]). И хотя Сколар использует это ключевое понятие нашего времени для анализа исторического материала, само присутствие идеи «миграции» неизбежно возвращает его к проблеме Брекзита и к высказываниям действующих политиков. Иначе говоря, помимо заявленного сюжета — судьбы французских лингвистических эмигрантов в англоязычном мире — в книге разворачивается дополнительная интрига, связанная со взаимодействием между двумя категориями ключевых слов, одни из которых принадлежат нам, а другие — прошлому.

Вопреки серьезности обсуждаемых проблем и маячащему призраку Брекзита, книга начинается не с тех мрачных картин, которые померещились рецензенту, а со всеми любимой сцены из «Винни-Пуха», впрочем тоже невестелой, по крайней мере для ее героя. У Иа-Иа день рождения, про который все забыли; он печально смотрит на свое отражение сначала с одного берега ручья, потом с другого, а результат один: «душераздирающее зрелище». Ведь не всем дано радоваться жизни, как он объясняет непонятливому Винни-Пуху, перечисляя разные лексические обозначения этого недостижимого состоя-

ния, включая «*Bon-hommu* (<...> это французское слово, значащее *bonhommu*)»¹ (р. 1–2). Для Сколара этот пассаж из повести Милна становится своего рода эмблемой «многовековой истории английского восприятия французского» (р. 2), во многом построенной на притяжении и отталкивании, молчаливом признании и громогласном опровержении лингвистического долга. Используя французское слово, Иа-Иа подчеркивает, насколько идея радости чужда его личному и, если угодно, национальному характеру. Серый ослик явно отвержен сплину, традиционно считавшемуся британским недугом. При этом он дистанцируется не только от названной эмоции, но и от простодушного Пуха, не без доли снобизма демонстрируя владение богатым и социально престижным лексиконом.

Выбранный Сколаром пример взаимодействия между «настоящим французским» и «английским французским» в высшей степени примечателен еще и тем, что наглядно поясняет один из аспектов обсуждаемой проблемы. Предположим, что ручей, в который глядится Иа-Иа, это Ла-Манш. Вне зависимости от того, на каком берегу находится ослик, его отражение не меняется, так же как вроде бы не меняется форма и значение слова *bonhommu*. Однако это обманчивое сходство, поскольку, раз перейдя с французской почвы на английскую, любое заимствование начинает взаимодействовать с новой социальной и культурной реальностью, постепенно эволюционируя и приобретая самостоятельные смысловые оттенки. Вопрос, естественно, состоит в том, почему некоторые из лексических эмигрантов быстро сливаются с местным населением, а другие — нет.

Позволю себе еще одно небольшое отступление: предложенный Сколаром разговор о лексических эмигрантах чрезвычайно к этому располагает. Стоит напомнить, что термин *émigré* вошел в оборот в конце XVIII в., и его распространение по Европе связано с революцией 1789 г., когда Францию стали покидать сперва сторонники Старого порядка, а затем противники быстро менявшихся политических режимов. Это был не первый случай массового бегства из Франции. Предшествующая волна экспатриантов, достигшая берегов Англии в последние два десятилетия XVII в., была спровоцирована отменой Нантского эдикта, гарантировавшего гугенотам (относительную) свободу вероисповедания. Ключевым словом, обозначавшим этот процесс, стало «убежище» (*le Refuge*). Оно предполагало иной тип взаимоотношений между оставленной и обретенной родиной, чем «эмиграция». Получивший убежище вряд ли его покинет, тогда как эмигрант — как мы знаем на примере русской эмиграции после революции 1917 г. — часто ведет двойное существование, продолжая держаться за утраченное прошлое и надеясь на его восстановление. Не случайно, что в русском языке слова *эмигрант*, *эмиграция* сохраняли особый статус вплоть до распада Советского Союза, т. е. до конца того режима, который сделал их ключевыми для определенной части населения. В новой политической и социальной реальности их быстро потеснили *мигрант* и *миграция*, обладающие иными культурными коннотациями.

¹ *Bonhommu* или, в стандартном написании, *bonhomie*, было заимствовано из французского в 1770-е годы в значении 'непринужденное дружелюбное поведение'. Во французском языке это слово постепенно приобрело дополнительное значение добродушной простоватости, которое может иметь как позитивный, так и негативный оттенок.

Сопроотивление переменам — это свойство роднит рассматриваемую Сколаром группу слов (*naïveté, ennui, caprice* и отчасти *à la mode*) с термином *émigré*, который он выбрал для их характеристики. Это выражается не только в их написании, сохраняющем приметы французского происхождения (диакритические знаки над гласными). Как показывает Сколар, перечисленные понятия, особенно на первом этапе усвоения, будто отказываются входить в повседневную (английскую) речь, вынуждая спикеров заниматься словесной акробатикой. К примеру, когда честолюбивая героиня пьесы Джона Драйдена «Модный брак» («*Marriage A-la-Mode*», 1673) пытается показать свою светскую искусственность, она ухитряется записать в одну фразу три новомодных французских словечка, но спотыкается на *naïveté* (наивности), которая «дважды отказывается ей подчиняться» (р. 100).

Действительно, *naïveté* — едва ли не самое сложное понятие из всей группы, несмотря на многоликость *caprice* (о нем кратко см.: [Сколар 2020]) и почти бездонную глубину *ennui*, где сливаются, не смешиваясь, акедия, меланхолия, английский сплин (конечно, хотелось бы добавить, и русская хандра). Начнем с того, что в XVI–XVII вв. французское прилагательное *naïf* и производное от него существительное *naïveté* обозначали комплекс качеств — естественность и простоту, — отношение к которым во многом зависело от позиции наблюдателя. В качестве примера Сколар предлагает взглянуть на знаменитое эссе «О канибалах», где Монтень отказывается считать индейцев «варварами», настаивая на их близости к «первоначальной простоте» (*naïveté originelle*). Для нас сейчас это словосочетание звучит вполне невинно, но за ним скрывается дерзкая для того времени идея. По-видимому, вслед за Лукрецием автор «Опытов» был сторонником теории одновременного появления человека в разных частях земли. А это значит, что грехопадение могло иметь локальный характер и не затронуло обитателей Америки, сохранивших простоту нравов и образа жизни (р. 105). Одним из проявлений такой простоты становится телесная нагота, которая ассоциируется с крайней искренностью, в том числе и речевой. Не случайно Монтень стремится изобразить себя «в естественном виде» (*forme naïfve*), делая скидку лишь на требования общественной пристойности (р. 107).

Конечно, теологическая подоплека понятия *naïveté* в бытовой речи была сглажена, особенно при переходе из французского в английский. Тем не менее даже самое расхожее его употребление — указание на недостаток искусственности — как бы содержит в себе зерно истории грехопадения. Когда Меланта из комедии Драйдена пытается применить модное словечко, она невольно обнаруживает то, что пытается скрыть, — отсутствие навыков великосветского общения. Иначе говоря, заимствованное слово становится орудием ее (само)разоблачения: стремясь добиться максимального социального престижа, Меланта лексически устанавливает дистанцию между собой и англоязычным большинством, однако в итоге эта дистанция оказывается не позитивной, а негативной (р. 102).

Следующий важный этап в эмигрантской биографии *naïveté* Сколар связывает с его пребыванием в германских землях, где на протяжении XVIII столетия активно шло усвоение французского лексикона. Свидетельством тому эссе Фридриха Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795), в котором

naïf становится одной из центральных категорий осмысления литературного процесса. Почти два столетия он виделся европейцам как борьба подражателей древним авторам с теми, кто был убежден в превосходстве современных. Шиллер задает новую систему координат, где точкой отсчета является природа: «наивные» поэты «пребывают в состоянии естественной простоты», а «сентиментальные» познали горечь утраты изначальной непосредственности (р. 112). Более того, Шиллер не ограничивает свою таксономию пределами творчества, но распространяет ее на человеческую психологию в целом, одновременно предупреждая об опасности ситуации, когда наивность и сентиментальность полностью оторваны от поэзии (р. 116).

И вот тут наступает любопытный момент, когда *naïveté*, обосновавшаяся в Англии с конца XVII в., встречается со своим двойником, прошедшим через горнило немецкой философии. Как показывает Сколар, результатом становится сугубо британская игра амбиций, разворачивающаяся вокруг шиллеровской бинарной оппозиции. Эту игру он анализирует на примере романа Ле Карре «Наивный и сентиментальный любовник» (1971), где в основе сюжета лежит любовный треугольник, или, скорее, тройственный союз между писателем, его женой и их случайным знакомым, полностью укорененным в благополучном буржуазном существовании. Отношения персонажей напрямую смоделированы по Шиллеру: писатель стремится утвердить свою «наивность», очарованный им герой занимает «сентиментальную» позицию, а жена писателя выступает в качестве объекта желания, судьи и наблюдателя. «Рядом с двумя оксфордскими выпускниками у нее не остается другого выбора, как быть “самой собой” и извлекать выгоду из этого положения» (р. 120). Присутствие женского взгляда выявляет относительность шиллеровской оппозиции, которую оба героя воспринимают как абсолютную. На самом деле ни один из них не является воплощением «наивности» или «сентиментальности», но в обоих, как и в героине, есть элементы и той и другой. Таким образом, Ле Карре использует франко-германскую *naïveté* в качестве лакмуса, выявляющего претенциозность и манипулятивность персонажей, в особенности писателя, «который, стремясь уйти от устремлений и ограниченности среднего класса, объявляет себя “наивным”, но не может избежать заложенной в этом понятии идеи превосходства; напротив, он ее активно эксплуатирует» (р. 129).

Как мне представляется, тесная связь *naïveté* с проблемами структурирования общества и его языка делает это понятие едва ли не самым богатым на ассоциации. Упомяну только две из них, которые приходят на ум при чтении «Эмигрантов». В известном эссе «Английский язык и политика» (1946) Джордж Оруэлл решительно заявляет:

За исключением удобных сокращений — *i. e.* [т. е.], *e. g.* [напр.] и *etc.* [и т. д.], — у нас нет насущной потребности в сотнях иностранных фраз, которые существуют в современном английском [Orwell 1968: 131].

Помимо идеологических соображений, которыми было продиктовано это высказывание, за ним угадывается давняя лингвистическая утопия чистоты и прозрачности языка, когда-то пребывавшего в «наивном» состоянии. Так, за три столетия до Оруэлла юрист и историк Джон Селден рассуждал похожим образом:

Ежели поглядеть на то, каким был язык во времена саксов и каким он стал в наши дни, то вы увидите, что различие меж ними такое же, как если бы у человека был плащ, который в царствование королевы Елизаветы он носил как есть, без украшений, а затем начал добавлять тут красный лоскут, а там — синий, а потом еще зеленый и темно-рыжий. Мы заимствуем слова из французского, итальянского и латыни, как только взбрдет в голову какому-нибудь педанту [Selden 1927: 67–68].

Выбранный Селденом (или его секретарем, так как «Застольные беседы», откуда взята эта цитата, увидели свет в 1689 г., более чем через три десятилетия после кончины ученого) образ плаща, т. е. куска ткани, крайне примечателен, поскольку речь идет о текстуре языка. В елизаветинскую эпоху она якобы была простой и прагматической (обычный плащ), а затем к ней стали добавлять заимствования из других языков (пестрые лоскуты). Из контекста не до конца ясно, были ли это «заплаты», возмещавшие лингвистическую нехватку, или же избыточные «украшения». Скорее второе, поскольку критика заимствований как правило сопровождается указанием на их избыточность. Еще раз процитирую Оруэлла:

Дурные писатели, в особенности в сфере науки, политики и социологии, почти всегда одержимы мыслью, что латинские и греческие слова внушительней англо-саксонских... [Orwell 1968: 131].

У мечты об изначальной речевой простоте, свободной от ненужных прикрас, есть оборотная сторона — опасение лингвистической креолизации, за которой последует утрата национальной самобытности. Книга Ричарда Сколара во многом направлена против этого атавистического страха. Конечно, смешение людей, языков и культур, нередко вынужденное и всегда диспропорциональное из-за неравного распределения власти, не бывает безболезненным. Но вслед за Эдуаром Глиссаном, Стюартом Холлом и рядом других теоретиков Сколар предлагает не забывать о творческом потенциале таких контаминаций, особенно в исторической перспективе (р. 74–78). Английский язык и культура, по умолчанию доминирующие в современном мире, сами являются продуктом креолизации, сперва во времена Вильгельма Завоевателя, а затем Столетней войны. И хотя считается, что британская национальная идентичность в основном сформировалась к началу XVII столетия, предшествовавшие ей культурные травмы продолжают существовать не только в виде символического противостояния саксов и норманнов, но и вполне реальных внутренних конфликтов, в частности приведших к Брекзиту (р. 79–83). Естественно, это не отменяет того бесспорного факта, что колониальная политика Британской империи стала причиной и двигателем агрессивной креолизации других культур.

Прочерченная мною траектория обсуждения *naïveté* не во всем совпадает с тем маршрутом, который проложил Ричард Сколар, хотя практически полностью на нем основана. Как уже было сказано, чтение «Эмигрантов» побуждает к диалогу с текстом, к самостоятельному поиску дополнительных связей и соотношений между французскими и английскими лексемами, пускай все-

го лишь на манер Иа-Иа. И тут возникает еще один пунктирно намеченный сюжетный ход, который безусловно дразнит исследовательское воображение. В более ранней книге, посвященной истории концепта *je-ne-sais-quoi* ‘нечто’, ‘сам-не-знаю-что’, Сколар замечал, что описание возникновения, постепенного роста популярности и, наконец, угасания этого сложносоставного понятия своим рисунком напоминает биографии балзаковских честолюбцев, надеявшихся покорить Париж [Scholar 2005: 278–279]. В случае «Эмигрантов» на ум приходят «Американские боги» Нила Геймана, где герою приходится столкнуться с представителями разных пантеонов, занесенных в Америку переселенцами со всех концов света. Его проводником в этом полуреальном мире становится Вотан, отнюдь не идентичный тому Вотану, который продолжает бродить в окрестностях Рейкьявика. Так же и со словами-эмигрантами: когда (условно) французский *caprice* пересекает Ла-Манш, то в реальности он не покидает Францию, а как бы раздваивается. И параллельное существование этих аватар, иначе известных как «ложные друзья переводчика», открывает новые перспективы для сравнительного анализа культурных взаимодействий.

Литература

- Сколар 2020 — Сколар Р. Слова-«мигранты» в эпоху Нового времени: казус «каприза» / Пер. с англ. // Шаги/Steps. Т. 6. № 4. 2020. С. 216–229.
- Orwell 1968 — Orwell G. The collected essays, journalism, and letters / Ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 4. New York: Harcourt, Brace and World, 1968.
- Selden 1927 — Selden J. Table talk / Ed. by F. Pollock. London: Quaritch, 1927.
- Scholar 2005 — Scholar R. The *je-ne-sais-quoi* in Early Modern Europe: Encounters with a certain something. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Williams 1988 — Williams R. Keywords: A vocabulary of culture and society. London: Fontana Press, 1988.
- Wimmer, Glick Schiller 2002 — Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: Nation-state building, migration and the social sciences // Global Networks. Vol. 2. No. 4. 2002. P. 301–334.

References

- Orwell, G. (1968). *The collected essays, journalism, and letters* (S. Orwell, & I. Angus, Eds., Vol. 4). Harcourt, Brace and World.
- Scholar, R. (2005). *The je-ne-sais-quoi in Early Modern Europe: Encounters with a certain something*. Oxford Univ. Press.
- Scholar, R. (2020). Slova-“migranty” v epokhu Novogo vremeni: kazus “kapriza” [An early modern keyword in migration: The case of *caprice*]. *Shagi/Steps*, 6(4), 216–229. (In Russian).
- Selden, J. (1927). *Table talk*. (F. Pollock, Ed.). Quaritch.
- Williams, R. (1988). *Keywords: A vocabulary of culture and society*. Fontana Press.
- Wimmer, A., & Glick Schiller, N. (2002). Methodological nationalism and beyond: Nation-state building, migration and the social sciences. *Global Networks*, 2(4), 301–334.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Мария Сергеевна Неклюдова

PhD

зав. Лабораторией историко-культурных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Россия, 119571, Москва, пр-т.

Вернадского, д. 82

Тел.: +7 (499) 956-96-48

✉ *neklyudova-ms@ranepa.ru*

Maria S. Neklyudova

PhD

Head of the Centre for Studies in History and Culture, School for Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-48

✉ *neklyudova-ms@ranepa.ru*